

1.4 О собирании камней и вос-становлении образа.

Позволим себе восхититься, помыслив: время собирать камни... Во благовремении... Благое время для этого собирания – не всегда благо по меркам обыденным, человеческим. Откровение образа Божьего происходит в России в момент её, - и не помыслить даже эпитета, - предельного уничижения, унижения, растерзания, попрания, распятия... Россия распята. Боже, для чего Ты Меня – оставил – возносится со креста. И в этот момент – словно бы раздирается завеса очей, распадаются камни нечувствия – и открывается живописанный – живой образ Божий. Издревле от начал русской истории - созданный, написанный, раскрытый в цвете, - выражающий основу мировоззрения, несущий в себе изводящий из себя мировоззрение православного человека, пусть и грека по национальности, будто бы коренного русича, - открывается образ. Как происходит это? Словно бы награда, - нежданный плод кропотливым исканиям самозабвенной бригаде искателей чистоты, утешения в наследии давних, невозвратных времён... искателям остатков живописи икон, фресок, восстановителям былого, удаляющимся в свой кропотливый труд от потрясений кровавых судорог и терзаний своей Родины... Из-под записей, из под слоёв штукатурки – предстаёт перед ними остаток живописи икон, фрагменты дивных, велико-лепных фресок. Или же это уединённый мастер – реставратор, в тиши своего уединённого пространства орудующий неспешным скальпелем или иным ланцетом реставратора... и, вдруг, - об-нарубивающий для себя самого и для всей России, для мира, во зле лежащего, в самом кровоточивом и болезненном пространстве этого мира – образ Святой Троицы кисти Рублёва, образ Владимирской – кисти апостольской, как вдохновенно научает благочестивое предание. Так и открывшиеся фрески во Владимире, во Пскове... Такова история и с фресками Феофана, открывшимися

буквально на эпохе перемен изнутри ужаса и боли кровавого перелома истории. Господи, для чего Ты - оставил! И – открывается, словно бы ответ распятой Руси – не замутнённый, не искажённый, в чистоте своей не повреждённый, не поругаемый, как Сам Бог – образ Господа православного.

В традиции научно – исследовательского подхода - в изучении иконописи, иконы, пространства образа положен такой подход, в котором слово из-учение стоит как бы на первом затмевающем плане: из-учение научно – исследовательское. Метод из-учения может включать в себя, как некие составные части научную интуицию и наитие, истекающие из неперемного исследовательского личного опыта учёного исследователя. Даже некое творческое озарение вполне допустимо и традиционно «рукопожатно». Но, «упаси Бог», никак не должно исследовательское суждение в светской традиции истекать из опыта личного со-чувствия образу, из опыта личного молитвенного проникновения в образ – во-ображения личности исследователя, недопустимы личные чувственные свидетельства, восполняющие заключения ума. Хороша эта фигура речи – ум словно бы заключает в темницу неведения умствующего своего. Умствующего в отрыве от сердца, от души, от практики жизни реальной, духовной, естественной и насущной для себя. Рассуждать, за-ключать рассуждая можно ведь о чём угодно: об арабском орнаменте, о буддийских статуях, византийских апокрифах и экфрасисах, о истоках русской живописи... Но рассуждать со знанием своего предмета, со знанием, проникающим в человеческое естество, наполняющем скердечную глубь – можно только о том, что близко этому существу, близко предельно, до неотрывности, до неразделимости. Как оторвать от себя Христа, принятого вовнутрь, как рассуждать о Христе, не приняв Его? Можно ли заключать Его в темницу своего ума, темницу неведения по существу, темницу чуждого заключения от-чуждённых от Него мыслей, - а именно это и подразумевает наука, называя личностное со-участие во Христе – чуждым, не обязательным, посторонним и даже мешающим заключению отстранённого «чистого» ума. Всё это – лишь продолжения упований на чистоту разума, якобы, не знающего падения, не ищущего спасения и Спасителя. Не будем дословно упоминать здесь евангельских изречений – всё слишком натуралистично и явственно, - о вождях слепых, о неведении – зрящих, о темноте внутри очей, не воспринявших Света. Не этими очами смотрят на нас образы Феофана. Свет очей наших не есть ли тьма? Свет очей образов этих – отсвет светов невечерних, свет нетварный, поселившийся в самых недрах, в сокровенной глубине - глубин вещей зениц этих образов. Не так у тех, кто рассуждает об этом отстранённо. Не так – у тех, кто складывает собираемые камни слов чуждыми холодными холмиками – маяками, указывающими путь в пустоту, в никуда. Не так у тех, кто усиливается в сотворении вне скреп духовных, вне со-участия Богу и со-действия Бога, - без Мене не можете творить ниче-соже, - творящих без Него... Сами по себе – творим и не выстраиваем, собираем камни и не в силах что-либо живое, трепещущее живо - выстроить из них, из безценных осколков, разбётаных историей, в том числе по лицу нашей Родины. Безценны крупички – и нашими ли руками – созиждется из них нечто, ценное в очах Господних... Хотя бы нечто нами самими осознаваемое о том, чем были эти камни прежде разрушения былых зданий, прежде разрушения дел рук былых человеков, шедших прежде нас поприщами своими пред очами Господними.

Итак, не напитавшись Христом, не пропитавшись Им всецело, сможем ли мы сказать что-либо от себя о Нем – что-либо, кроме лжи... Да не рискнем сказать, как не рискнем сказать и о себе самих, что мы Христом напитались... Господи, благослови же безмолвие моё, благослови же вместе с тем, если попустишь, - изречь внятно.

Удивительны суждения людей отстранённых. И дело даже не в том, что слово Бог пишется ими со строчной буквицы, дело не в том, что этой букве нет даже намёка на исконное прописное великолепие, нет рукописной почтительно – затейливой вязи, - не в том. Доверимся тому, что в духе кромешных времён и не представить бы замены строчной на прописную в именовании Сущего. Удивляет немощь синтеза от камней собранных, удручают мертвящие формы воздвигнутых слов и суждений об образе, в очертаниях которых не видим ни искренности, ни правды. У чтущего эти строки – говорю о себе лишь, не обобщая, - не отзывается сердце чуждым научным заключениям о том, что образы феофановы наполнены безысходностью, напоены от-чаянием, от-вращением от мира, само-заключением, само-оскоплением, само-устранением из жизни, из гуманистических её «пресветлых» перспектив... Наполнены, де отчаянием в достижении искомого, чаемого, стяжаемого, - словно бы не им, не нам проречено Христом: стучите – и отворят, просите – и дастся вам... Как же мнения подобных исследователей далеки от того, чтобы воспринять, как личную истину то, что Истиной Христом – проречено нам. От этой вот невосприимчивости – чуждые суждения об образе Божьем в творениях Феофана. Как это, как видится, не-во-образимо далеко от того, что вкладывалось в эти образы самим Феофаном и воспринималось благодарными его современниками, как великое, созвучное им, согласное общему молению – достояние и непререкаемая драгоценность. Образы для со-молитвенных пред ними братьев, буквально из-ображали – описывали, про-являли то самое внешнее физическое свойство, нераздельно связанное с внутренним, духовным состоянием человеческой святости, обоженности, святости видимой, достижимой, мира Господнего в среде человеческой, стяжаемой и обретаемой внутри человеческой природы. Образное уверение, уверование, невысказываемое в слове, но свидетельствующее, как преподобный Серафим не словом - свидетельствовал службе Мотовилову о Духе Святом, но побуждением взглянуть на себя, вникая в Дух Свят, запечатлеваясь Духом... Вот так же побуждают образы – молитвенно и благоговейно - взглянуть на себя со страхом и трепетом. И подвигают взглянувших людей - на подвиги уподобления им, словно бы создавая зримое запечатляющееся основание словесным сакральным и призывным понятиям: за веру, Отечество, Церковь Божию. Говоря о вере, человек говорил о Христе, воспринятом в сердечные глубины, во все составы, во утробу... из Богослужбной Чаши. Говоря об Отечестве, человек говорил об отцах своих во святости и на пути к ней – отошедших и сомолящихся неустанно, и ждущих от земли – молитв. Говоря об Отечестве – понимал человек ближних своих, ополчающихся на врагов, воздвигнувших сообща - общую землю, возводящих общие храмы, живущих общей жизнью, лежащих под частными – личными крестами - в общую землю, смертушкой, красной на миру. Говоря о Церкви, человек мог иметь перед собою не только образы Церкви небесной, но и церкви земной, в проявлении икон и образов, запечатлевающих, из-ображающих небесное - земному. Человек вос-ставлял себя перед образом и образ – пред собою, как бы духовные мосты, путеводные и призывные, проторенные, благодарно облюбленные и намоленные поколениями - проходы из видимого в области вечные, области невидимые земным очам но несомненные – области духовные. Говоря о церкви, человек подразумевал и эти фрески, в обрамлении

себя, внутри пространства которых пела его душа в предчувствии нисходящего и милостивого, воспринимаемого в благодарном молитвенном вздыхании – живого Бога. Пела душа человеческая, искренне распахнутая Богу перед этими образами, - пела душа, воспринимающая всеобщего, вселенского Спасителя, и семейного, и общинного, и всероссийского – Господа. Личного своего, тёплого, проникновенного во утробы, достающего до сокровенных внутренних глубин – Христа.

Как бы воссозданный заново, изъятый из небытия, открытый от покрова безвестности образ – указывает нам, как насущную потребность – некий императив к собственному по-ведению, ведению самих себя по отмеренной нам жизни – к восстановлению образа Божьего в себе самом, в своём окружении, в своей стране, - да не станет это звучать слишком уж пафосно, поверхностно... конъюнктурно, неумеренно напыщенно и далеко от рассматриваемого нами предмета, от со-бытия с нами фресок Феофана. Образ вос-становления личности человека пре-обретает значительно расширенное смысловое наполнение, как вос-становление - образование народа Господнего, семьи, Церкви братьев во Христе, Церкви сыновства Божьего, у-сыновленных чад Господних, уподобляющихся Отцу через Христа Его, через человекoв, деятельно и подвижнически развивающих в себе это уподобление, очищающих образ Божий в себе и вокруг. Как путь к этому заповеданному, заветному желанию, - знамение открывшихся и всё яснее открывающихся перед нами икон. Бьет любимого сына Господь, - пронзает раскрывающиеся перед образом чувствилища души, стегает образом глаза пробуждающегося от мрачного неведения, - и показывает Свою милость возлюбленному чаду, вразумляемому под бичом от-кровенного образа...

И вновь, не к тому, чтобы оспаривать, но, скорее, ещё раз внутренне зафиксировать неприемлемое противo-речие, отметим себе. Один из традиционных, и чрезвычайно укоренившихся подходов к изучению иконной живописи, во след самому значению слова «из-учение» - исключает, от-вергает широчайший спектр значений, смыслов, логосности образа – и сосредотачивается исключительно на эстетике, на стиле, на внешней красоте образа, атрибутируемой и о-значаваемой лишь в некоем эстетически утилитарном художественном историческом контексте. Из всей полноты звучания смыслов и значений иконы учёным избирается лишь некая комфортная составляющая эстетики, изобразительного стиля, художественной из-образительной манеры. Отбрасываются, как ненужные, как чуждые чистой науке, как по-сторонние из-учению – всяческие личные душевные терзания, духовные усилия в личном проникновении к Перво-образу, в противостоянии греху... Тернистый путь о-Божения не есть путь личного без-образия, пусть и переплетающегося с путями научного ис-следования образа, по-следования Богу через образ и перед образом. Эти пути если не по-сторонни друг другу – не пересекаются, не переплетаются, не ведут к Единому. Усилия преодоления греха, стяжания Духа – личного духовного делания –от-вергаются учёным, лично чуждым Христу, научное ис-следование очищается от всего «лишнего, личного, постороннего, не имеющего отношения к сути дела и не нужного». Слово бы выхолащивается из образа сама жизнь, Сам Христос живущий – будто бы насильственно, хирургически извергается вон... Оставляется дом – пуст, и оставлена в этом опустошённом доме лишь только удобная, уютная, приятная об-становка, располагающая к услаждению, наслаждению, удовольствованию глаз и струн души... - виртуозное говорение – проговаривание выговаривание суждений о стилистике из-

ображений и образной эстетике. Не будем противо-стоять ей, но означим для себя её неотъемлемое право на само-стоятельную жизнь, к тому, чтобы нам самим - не удовлетворяться её неполнотой.

Степному орлу в лугах заливных – привольно страдать.
Взволнован ковыль простором немым, разбросаны кости, -
Что камни, светлы... Ни троп, ни следов, ни слёз на погосте,
Ни эха молитв... как будто, ничья – побитая рать.
И ворон, и зверь – не ходят сюда, - им нечего жрать.
На небе – орёл распластан крестом: ни счастья, ни злости.
Про-зорливый взгляд, пронзительный клич: Премудрость – нас – прости!
Теперь ли? – вот так – вошли времена останки – собрать...

Омыть их вином, как мёртвой водой, живыми слезами –
Вос-чувствовать их воинственный тлен, подняв копие.
Вот: солнечный щит и стяг – в небеса, - се: Спас на убрусе!
Со-зидается плоть. И вои – мои, - вздымаются сами
Без-смертным полком становятся в строй за имя Твое.
Так образ живой от не-бытия – священствует Русью.